

Ян Ихай закончил обедать и выглянул в окно. Небо предвещало скорый ливень.

Тяжелые свинцовые тучи плотным ковром затянули небосвод. Часы едва пробили три дня, но вокруг стемнело так, будто наступили глубокие сумерки. Где-то вдали, среди грозových облаков, то и дело вспыхивали молнии и рокотал гром. Судя по всему, на городок надвигалась небывалая буря.

Ян Ихай как раз собирался выйти на задний двор, когда в дом, тяжело дыша, ввалился Су Цзыянь. Подол его одежды трепал яростный ветер, гнавший по улицам пыль и сухую листву.

— Ты где пропадал? — спросил Ян Ихай.

— Бегал, — бурхнул Су Цзыянь, с трудом закрывая дверь под напором ветра.

— Скоро ливанет. Цзытянь и господин Юй взяли зонты?

Су Цзыянь на мгновение задумался.

— Брат взял. А господина я не видел, когда он уходил, так что не знаю. Спроси у сестры.

Ян Ихай не на шутку разволновался. Он метнулся на задний двор, но Су Цзычуань лишь долго хлопала глазами:

— Не знаю.

— Что тебя ни спроси — один ответ, — процедил Ян Ихай сквозь зубы.

Времени на препирательства не было. Он бросился к парадному входу и пересчитал зонты в бамбуковой подставке: осталось три.

«Значит, он взял зонт...»

Осознав это, Ян Ихай облегченно выдохнул, но тут же почувствовал укол разочарования.

«Эх... Значит, повода искать его больше нет...»

А ведь он уже нарисовал в воображении идеальную картину: они вдвоем, посреди бушующей стихии, жмутся друг к другу под одним бумажным зонтом. Одежда промокла насквозь, ткань льнет к телу, кожа к коже, они поддерживают друг друга и медленно бредут домой...

А если вдруг случится укрыться под каким-нибудь навесом! Он бы нежно коснулся его щеки, и в этот миг между ними вспыхнула бы искра... Сухие дрова и жаркое пламя, страсть, которую не унять...

Ян Ихай расстраивался всё сильнее, а его мысли становились всё более «запретными». Сжимая в руках рукоять зонта, он в сердцах крутил и мял несчастную вещь. То колотил кулаком по стене, то топал ногами, то скрежетал зубами, бормоча под нос какую-то нелепицу.

Раскатистый удар грома прогрехотал прямо над помещьем Юй.

Ян Ихай внезапно замер и обернулся. Он недобро сверкнул глазами. Схватив зонт, он, невзирая на завывания штормового ветра, с энтузиазмом припустил в сторону пристани.

«Ха-ха-ха! Ну и дурак же я! Раз нельзя принести зонт, я могу просто подождать его на причале!»

Только представьте: хлещет дождь, Юй Чуцю сходит с лодки и первое, что видит — на пустом причале, среди ветра и волн, стоит прекрасная дева и преданно ждет его одного...

Он точно влюбится в меня с первого взгляда! Нет, со второго! Мы станем неразлучны, и никакие «волки» не смогут нас разлучить!

Но стоило Ян Ихая добежать до пристани, как его взору предстала отнюдь не романтическая картина. Какой-то пузатый заезжий торговец, крепко сжимая кубок с вином, обнимал вдовушку-трактирщицу. Сидя в портовой таверне, он громко разглагольствовал, раскрасневшись от хмеля:

— Поехали... со мной... Ик! В столице столько красивых побрякушек, они как раз для такой красавицы, как ты, ха-ха-ха...

— Ах ты, бесстыдник, — притворно возмутилась вдова. — Если я уеду, что будет с моей лавкой? Кто меня кормить станет, если дохода не будет?

— Обижаешь! — купец с силой хлопнул себя по груди. — Я тебя прокормлю!

В этих пьяных заигрываниях не было ничего особенного, тем более для Ян Ихая, выросшего в «веселых кварталах». Но стоило ему услышать эти слова...

«Я тебя прокормлю!»

Лицо его мгновенно вспыхнуло. Он прикрыл рот рукой, он подозрительно блеснул глазами, а на губах заиграла предвкушающая улыбка.

«Чую, не ходи больше в управу, это ведь так утомительно».

«Ничего не поделаешь, господин. Если я не буду работать, нам не на что будет жить».

«Пустяки! Я тебя прокормлю!»

«Правда? Хозяин... вы так добры... Отныне я во всем буду слушаться вас...»

«Чую... О-о...»

«Ох... ах... нет... нельзя... а-а-а... так хорошо... хозяин... еще...»

Мимо проходили моряки с тюками на спинах. Заметив Ян Ихая, они с любопытством оборачивались и негромко переговаривались на своем диалекте:

— Слышь, а тот парень часом не болен? У него кровь носом хлещет, а он хоть бы хны, даже не вытирает.

— Да нет, у него с головой беда, — один из моряков выразительно постучал пальцем по виску.

— Гляди, у него слюни в реку капаят. Совсем блаженный.

— И то верно. Жаль, смазливый малый. Моей сестренке такие белоручки по вкусу.

Когда моряки скрылись из виду, Ян Ихай внезапно вздрогнул от звука звонкой пощечины. Очнувшись от своих грез, он оглянулся.

Давешний пузатый купец вскочил из-за стола и в ярости грохнул кулаком по столешнице:

— И ты только сейчас об этом говоришь?! Что мне, по-твоему, делать? Этот товар боится воды! Я в него всё до последней монеты вложил! Если всё пойдет прахом, я и сам в живых не останусь!

От вина и гнева купец совсем потерял голову: он выхватил кинжал и замахнулся на своего

собеседника.

Тот, судя по виду обычный матрос, в ужасе попятился и повалился прямо на пыльную мостовую. Помощники купца, услышав крики, подбежали и принялись унимать хозяина.

Увидев, что оружие у дебошира отобрали, матрос осмелел:

— Но хозяин не виноват! На погоду мы повлиять не в силах...

— Не в силах?! У меня на кону десятки тысяч ланов, а он отделяется одной фразой?! Да я всё его семейство по миру пуцую! — купец зашелся в крике, снова бросаясь в драку.

Матрос, который явно был лишь посыльным, затараторил в панике:

— На Янцзы началось наводнение, все лодки хозяина вернулись в Ханькоу! Неделю, а то и две никто не придет. Смотрите на небо — через пару дней и в Юшуй вода поднимется. Чем тут орать, лучше бы место искали, куда товар пристроить...

— Какое еще место?! — купец с грохотом разбил бутылку. — Я тут ни души не знаю! Где я спрячу десять тысяч рулонов шелка? Ваш хозяин клялся сегодня забрать товар. Я приехал, а его нет! В торговле главное — честное слово! Всё, передай этому сукину сыну, что дела я с ним больше не имею! Проваливай!!!

Когда посыльный сбежал, купец со своими людьми приуныл еще больше. Толстяк опустился на табурет у входа в таверну и, глядя на наползающие тучи, принялся глушить вино прямо из кувшина. Его подручные вразнобой предлагали один план нелепее другого.

«Я тебя прокормлю... Хи-хи-хи...»

Ян Ихай, стоявший неподалеку и слышавший каждое слово, хитро прищурился. На его лице всё еще блуждала дурашливая улыбка, когда он направился напрямик к таверне...

Два часа спустя весь шелк был аккуратно сложен в переднем дворе поместья Юй.

Едва покинув ворота, купец отвесил подзатыльник одному из своих людей и прошипел:

— Какой болван сказал, что этот Ян — полоумный?! Завтра же брошу гада в реку на корм рыбам!

— Но хозяин, у нас не было выбора! Либо так, либо товар сгниет. Его дом стоит на возвышенности, никакое наводнение не страшно. Пришлось согласиться, — оправдывался ударенный матрос.

Купец подтянул пояс, стараясь унять дрожь в руках, и с горечью выдохнул:

— Да знаю я, что выбора не было! Чего ты мне под руку лезешь?! Мне за кошелек больно! Видели, как он щелкал костяшками на счетах? Да он в сто крат больший пройдоха, чем я сам! Мать честная, с самим чертом связался!

Когда незваные гости ушли, Ян Ихай вальяжно развалился за круглым столом, закинув ногу на ногу. В левой руке он держал стопку накладных, то листая их, то делая пометки кистью. Правая рука, не переставая, летала над счетами.

«Щелк-щелк-щелк...» — сухой треск костяшек наполнял комнату. Ян работал вслепую, не глядя на них. С такой скоростью и точностью в наше время он стал бы чемпионом по ментальной арифметике.

Брат и сестра Су сидели рядом, не сводя глаз с этого «незнакомца», и чувствовали, как по спицам пробегает холодок. Особенно неудобно было Су Цзычуань: она вспомнила, как сегодня днем выпрашивала у него деньги, и ее пробрала дрожь.

— Хе-хе... А ты мастерски со счетами управляешься... — выдавила она натянутую улыбку.

— А то как же, — Ян Ихай на мгновение оскалился, блеснув клыком. — Среди всех моих талантов этот — самый скромный.

«Еще бы! Пока другие сяогуани из кожи вон лезли, убажывая гостей, я жил суровой жизнью: спал до обеда и считал деньги, пока пальцы не сводило. Если счетов под рукой не было, считал в уме — да так, что искры из глаз!»

Су Цзычуань чувствовала: в этом парне скрывается что-то... пугающее. Она подалась вперед и ткнула пальцем в сторону его лица:

— Знаешь, если бы у тебя возле носа была родинка, да еще эти, как их, усы щеточкой — вылитый был бы делец. Такой солидный!

— Правда? — Ян Ихай на миг просиял, не прекращая работы, но тут же осекся.

Он поднял голову и в упор посмотрел на девушку, гневно сверкнув глазами:

— Ах ты, негодница! Чем языком чесать, шла бы лучше ужин готовить!

Затем он перевел взгляд на Су Цзыяня:

— Толстяк, иди помоги ей, огонь разведи. Не видишь — я занят? Тебе полезно подвигаться, глядишь, и жирок сойдет.

Су Цзыянь покраснел и покорно поплелся на кухню вслед за ворчащей сестрой.

«Гро-о-ом...»

Сдерживаемая два дня буря наконец прорвалась. Под ослепительные вспышки молний небо, казалось, расколосось, и на землю обрушился яростный поток воды. Ветер ворвался в залу, заставив бумаги на столе тревожно зашелестеть.

Ян Ихай едва успел собрать счета и записи, когда в комнату вошли брат и сестра Су с подносами в руках. Пока они расставляли еду, Ян Ихай, не находя себе места, мерил залу шагами.

— Почему они до сих пор не вернулись? — бормотал он под нос.

— Может, пережидают где-нибудь, — предположила Су Цзычуань, поправляя фартук. Она и сама с тревогой поглядывала на дверь.

— Хорошо бы, если бы на берегу. А если в лодке? При таком ветре на реке сейчас такие волны, что страшно представить, — Ян Ихай зашагал еще быстрее.

Внезапно раздался оглушительный удар грома, от которого задрожали стены. Все трое замерли в испуге. Они уже всерьез подумывали, не пора ли бежать к пристани, как вдруг дверь со скрипом отворилась.

Ян Ихай резко обернулся, он разжал сцепленные за спиной руки. Увидев вошедших, он почувствовал, как огромный камень свалился с души.

— Что же вы так поздно? Мы извелись все, — Су Цзычуань бросилась навстречу Су Цзытяну. Тот был промокшим до нитки, а в руках сжимал два закрытых зонта.

— Ой? — Су Цзычуань замерла на полуслове.

— Ой? — повторил за ней тоненький детский голосок.

— А-а-а!!! — это уже был крик Ян Ихая, в котором смешались ужас и изумление.

— Гы-гы-гы... — раздался звонкий младенческий смех из-под плаща Юй Чуцю.

Су Цзыянь молча наблюдал за тем, как Юй Чуцю, наполовину промокший, осторожно опускает на пол двух трехлетних близнецов.

<http://bllate.org/book/17540/1704557>